

Люди были до краев наполнены секретами. Когда замок был снят, эти секреты хлынули потоком.

Копаясь в личной жизни Ло Сяньфу в течение целого дня и ночи, следственная группа начала получать более объемный образ жертвы, которая до этого была просто именем в заявлении о пропаже человека.

По сравнению с другими шестидесятилетними мужчинами в городе Донгье, у Ло Сяньфу была более сложная личная жизнь и более запутанная сеть социальных связей.

Более двадцати лет назад он оставил работу учителя в маленьком городке и с тех пор работал как фрилансер. Он зарабатывал на заказах живописи и каллиграфии, а также работал оценщиком произведений искусства. Нельзя отрицать, что в свое время он был очень востребованным художником.

Его жена Кан Юй работала учительницей в средней школе, и хотя ее зарплата не была высокой, ее уважали и любили. Пара воспитывала одного ребенка, и они вели счастливую, простую жизнь.

Дом семьи Ло не отличался особым убранством, а Ло Сяньфу никогда не был особенно хорошо одет. Летом он всегда носил дешевые простые футболки, брюки и обувь, которая уже начала выцветать и обветриваться от использования.

Но в действительности семья Ло была довольно обеспеченной в финансовом отношении. Два года назад, когда их единственный сын Ло Сяолун уехал из города Донгье, чтобы начать свой собственный бизнес, Ло Сяньфу с готовностью дал сыну два миллиона юаней, чтобы тот вложил их в свое предприятие.

Два миллиона юаней были отнюдь не маленькой суммой. В большинстве обычных семей можно было полжизни копить и экономить, но не иметь возможности собрать такую большую сумму. Ло Сяньфу не только смог отправить сына на родину с таким огромным капиталом, но и сделать это без каких-либо резких изменений в собственной жизни. Они с Кан Юй продолжали жить в комфорте, а когда Ло Сяньфу увлекся фотографией, он смог позволить себе все самые дорогие камеры и объективы.

Когда Ло Сяньфу впервые увлекся фотографией, он в основном снимал пейзажи и ландшафты. Через некоторое время он посетил и сфотографировал практически все примечательные живописные места в окрестностях города Донгье.

Затем, около двух лет назад, он совсем перестал заниматься пейзажной фотографией и сосредоточился исключительно на съемке портретов людей. Он стал одним из многих уличных фотографов-любителей, которых можно встретить в любом большом городе. С тех пор все его фотографии были посвящены красивым молодым женщинам с великолепными лицами и фигурами, хотя иногда он фотографировал и маленьких симпатичных девочек.

В Ассоциации живописи и каллиграфии, к которой он принадлежал, репутация Ло Сяньфу была не очень хорошей.

В основном, люди в наше время уважали мертвых. Если человек не совершал тяжких преступлений при жизни, то после смерти он часто оставался вне подозрений. Однако к Ло Сяньфу это не относилось.

— Старик Ло, этот парень... видите ли, он не был так уж талантлив в живописи и каллиграфии. Его настоящий талант заключался в том, чтобы быстро заработать.

Именно так говорили о нем его коллеги, даже после его смерти, но были и те, кто высказывал куда более язвительные замечания.

— Старый Ло всегда использовал хорошую репутацию нашей ассоциации, чтобы казаться более внушительным. Он отлично умел продавать свои никомушные работы богачам, которые ничего не смыслят в искусстве, и всегда вел себя так, будто он гений искусства. Если он просто притворялся перед клиентами, хорошо. Но с нами, членами ассоциации, он тоже вел себя высокопарно! Для чего он притворялся? Неужели он думал, что мы не знаем, что его единственный талант — обманывать богатых и слепых?

Инь Циндун, вице-президент Ассоциации живописи и каллиграфии, был среди тех членов ассоциации, которые были в более дружеских отношениях с Ло Сяньфу. Месяцем ранее, когда Ло Сяньфу пригласил нескольких друзей из ассоциации к себе домой, Инь Циндун был одним из гостей.

— Старый Ло скончался? Его убили? — спросил Инь Циндун, узнав, что Ло Сяньфу стал жертвой в деле об убийстве. Его лицо мгновенно побледнело, когда он услышал, и сначала он выглядел совершенно растерянным, а затем на нем появилось выражение страха и неверия. — Вы поймали убийцу?

Минг Шу посмотрел ему в глаза и молчал почти двадцать секунд, прежде чем ответить:

— В настоящее время у нас нет никаких зацепок. Поэтому мы пришли поговорить с членами его ассоциации, чтобы лучше понять ситуацию.

Инь Циндун уже покрылся холодным потом. Его тонкие брови сжались в глубокую дугу, и он пробормотал:

— Кто мог убить старика Ло?

Минг Шу в прошлом опрашивал и допрашивал бесчисленное количество знакомых жертв убийств. Сейчас, глядя на Инь Циндуна, он мог читать его как открытую книгу. А Инь Циндун, безусловно, был интересной книгой.

Когда человек погибает, его близкие друзья и члены семьи почти всегда сначала выражают шок. Затем этот шок переходил в сильную скорбь, когда они начинали оплакивать умершего, позволяя себе осознать, что он уже никогда не вернется. Этот процесс скорби происходит независимо от того, умер человек по естественным или внешним причинам.

Основное различие между реакциями на естественную смерть и реакциями на смерть, вызванную внешними силами, как в случае с жертвами убийства, заключается в том, что близкие люди, реагирующие на новость о том, что кто-то из их знакомых был убит, часто демонстрируют страх и панику, а также скорбь. Но даже в этих случаях страх и паника редко перевешивали горе.

В случае с Инь Циндуном, который, как предполагается, был другом Ло Сянфу, известие о смерти Ло Сянфу вызвало у него только страх и панику. Он не выразил ни малейшей грусти. А если и выражал, то следы скорби были настолько слабыми, что их можно было считать ничтожными.

Поэтому вопрос о том, был ли Инь Циндун другом Ло Сянфу, оставался открытым.

Расспрашивая Инь Циндуна, Минг Шу не мог не думать о Кан Юй. Когда она узнала, что ее мужа убили, реакция Кан Юй тоже была несколько ненормальной. Казалось, что для нее Ло Сянфу не был тем человеком, с которым она проводила каждый день своей жизни. Скорее, он был похож на бездомную кошку или собаку, которую она часто видела на улице.

Реакция жены была странной. Реакция предполагаемого друга была странной. Казалось, что смерть Ло Сянфу имела такое же влияние, как перышко в бурю. То есть не оказала никакого влияния вообще.

— Жаль, — продолжил Инь Циндун, придя в себя. В его тоне было мало искренних эмоций, которые Минг Шу мог уловить. — Старый Ло был человеком многих талантов. Его смерть — большая потеря для нашей ассоциации.

Это были те слова, которые люди говорили только для видимости.

Минг Шу отмахнулся от этого и прямо спросил:

— Были ли у Ло Сянфу серьезные конфликты с кем-либо из членов ассоциации?

Инь Циндун, как будто не ожидавший от молодого детектива такого прямого вопроса, на мгновение окинул Минг Шу шокированным взглядом, прежде чем ответить.

— Старый Ло... в последние годы он не так часто появлялся в ассоциации. Большинство наших людей редко виделись с ним. Возможно, между ним и некоторыми другими членами были какие-то трения, но серьезные конфликты? Я не могу представить, чтобы они были.

— Он не так часто появляется в ассоциации, — повторил Минг Шу. — Это потому, что он обычно "делает быстрые деньги"?

— Ну...

Минг Шу наклонился вперед и перешел на еще более серьезный, строгий тон:

— Это касается расследования смерти Ло Сяньфу. Я бы попросил вас, президент Инь, сотрудничать с нами.

Проведя много лет в культурном сообществе, Инь Циндун стал харизматичным и уверенным в себе человеком. Но эта личность была подобна тонкому савану, который легко сдуло порывом ветра.

Инь Циндун, с которого сдуло эту пелену, больше не был похож на уверенного в себе человека. Напротив, он стал похож на неуверенного в себе шарлатана.

— Тогда я буду честен с вами, — наконец сказал он. — Правда в том, что большинство людей в ассоциации не слишком высокого мнения о старике Ло.

— Потому что он использовал имя ассоциации для рекламы своей собственной работы? — спросил Минг Шу.

— Отчасти так и было, но это произошло позже, — сказал Инь Циндун. — Сначала люди не обращали на него внимания, потому что он был... ну, довольно вульгарным.

Без дополнительного контекста были ситуации, в которых "вульгарность" могла восприниматься как хорошо так и плохо. Например, существовала демографическая группа для вульгарного юмора. Но в мире профессионального искусства и культуры, если человека или произведение считали "вульгарным", это было то же самое, что назвать его плохой шуткой.

Минг Шу кивнул:

— Продолжайте.

— Старый Ло не умел хорошо рисовать, а его каллиграфия была просто хорошей. Когда-то давно, когда он был учителем, он был художником на меловых досках. Конечно, в глазах своих учеников и коллег он был очень талантлив. Но мы — профессиональная ассоциация, понимаете? Наши стандарты того, что такое "хорошо", очень разные. Основываясь только на своем таланте, он вообще не смог бы быть принят в нашу ассоциацию. Но в то время, когда он подал заявление о вступлении, у нашей ассоциации заканчивались средства. Мы были почти банкротами, и как только он пришел, он сделал несколько очень щедрых пожертвований.

Инь Циндун выглядел несколько смущенным от такого признания, но потом продолжил:

— Старый президент сразу же принял его, и даже взял старика Ло под свое крыло, лично консультировал и наставлял его. Тогда мы и представить себе не могли, что Старый Ло не хочет улучшить свои работы или стать частью нашего сообщества. Мы не знали, что он просто хотел получить модную карточку члена нашей ассоциации, с помощью которой он мог бы обманывать богатых людей, заставляя их покупать его некачественные работы.

Минг Шу на мгновение задумался, прежде чем вернуть фокус их разговора к сути дела.

— Одно дело, когда есть люди, которые смотрели на него свысока, но был ли кто-то, кого он глубоко оскорбил?

Инь Циндун глубокомысленно нахмурил брови.

— Вы думаете, что кто-то из нашей ассоциации убил старика Ло?

— Это стандартный вопрос, — сказал Минг Шу.

В этот момент Инь Циндун начал нервничать все больше и больше:

— Это невозможно. Это действительно невозможно. Когда Старый Ло присоединился к нам несколько лет назад, он, по крайней мере, приглашал нас поесть и выпить. Он не был неприятным человеком, и так я познакомился с ним поближе. Но все равно находились люди, которые воротили от него нос и никогда не принимали его приглашения, так что в конце концов он перестал приглашать нас и перестал приходить в ассоциацию так часто. Он переключил свое внимание на зарабатывание денег и ведение бизнеса, как вы и сказали. Если вы ищете подозреваемого, то в нашей ассоциации вы никого не найдете. Лучше поговорите с его семьей или бизнесменами, с которыми он имел дело.

Конечно, даже без непрошеного совета Инь Циндуна, Минг Шу уже послал своих людей тщательно проверить членов семьи и деловых партнеров Ло Сянфу.

Но поскольку тему поднял сам Инь Циндун, Минг Шу воспользовался случаем и спросил:

— Его семья? У вас есть основания полагать, что мы найдем подозреваемого в его семье?

Инь Циндун заколебался.

— Старик Ло и его жена, Кан Юй... и их сын, Ло Сяолун. Отношения между ними, всеми ими, никогда не были такими уж хорошими.

— Правда? — задумался Минг Шу. — Но когда Ло Сянфу исчез, именно Кан Юй искала его повсюду и объявила о его пропаже. Похоже, она была в панике.

— Конечно, она искала его, но это ничего не доказывает. Паника тоже ничего не доказывает! Откуда вам знать, что она не притворялась? Позвольте мне сказать вам вот что. Я художник, работаю в той же области, и это правда, что старый Ло не был очень талантлив. Правда, он умел вести большую игру и обманывать богатых клиентов. Но он никогда не воровал. Он не был вором. Он был просто человеком, для которого семья всегда была на первом месте. Это ведь не преступление — зарабатывать деньги, чтобы содержать семью?

Инь Циндун, казалось, сбился с мысли, но Минг Шу позволил ему продолжить.

— В этом нет никакой ошибки, — настаивал Инь Циндун. — Старый Ло много работал ради своей семьи. Все его клиенты были богатыми и малообразованными людьми, которые готовы бросить десять тысяч юаней или десятки тысяч юаней по первому требованию. Но Старый Ло по-прежнему одевался как нищий! И почему же? Да потому, что все его деньги растратила эта избалованная и любящая золото жена!

Минг Шу задумался и вспомнил, что Кан Юй не только хорошо выглядела внешне, как будто ей были не чужды салонные процедуры и роскошные средства по уходу за кожей, но и хорошо одета.

Если бы Кан Юй и Ло Сянфу стояли бок о бок, то никто не смог бы сказать, что они супружеская пара. Они выглядели так, словно принадлежали к разным мирам.

— Однажды, когда мы выпивали, старик Ло рассказал мне, что вырос в лохмотьях, практически без средств к существованию, — сказал Инь Циндун. — Его семья не могла позволить себе медицинскую помощь, когда его бедная старая мать заболела, и вскоре она скончалась. Теперь Старик Ло практически ни о чем не думает, кроме зарабатывания денег, но он никогда не тратит их на себя. Он сказал мне, что отдает часть денег Кан Юй, чтобы та их потратила, а остальные откладывает на крайний случай.

— А вы знали о двух миллионах, которые он дал Ло Сяолуну? — спросил Минг Шу.

— Конечно, я знаю, как я мог не знать? Старик Ло постоянно об этом говорил. Он был в восторге от этого, а кто бы не был в восторге? Какой отец не был бы счастлив, если бы мог поддержать своего сына? Ах, но это напомнило мне, я помню, что Ло Сяолун потратил все деньги и позже вернулся, чтобы попросить у старого Ло еще.

Минг Шу поднял брови. Это была новая информация.

— Сколько он попросил? И дал ли ему их Ло Сянфу?

— Я не уверен в этом.

— Когда это произошло?

— Совсем недавно, — сказал Инь Циндун. Он на мгновение задумался, вспоминая. — В прошлом месяце, когда Старый Ло пригласил меня, Старого Фу и Старого Ли к себе домой. Тогда он и рассказал нам. В то время он еще не дал своему сыну денег. Он просто жаловался, что у его ребенка нет деловой хватки, и все деньги, которые он даст Ло Сяолуну, будут потрачены впустую. Но дал ли он ему деньги в итоге, я не знаю.

Минг Шу тут же задал еще один вопрос.

— Тогда, помните ли вы, что Ло Сяньфу и Кан Юй поссорились, когда вы посещали их дом?

Инь Циндун удивленно посмотрел на него.

— Кан Юй рассказала вам?

Минг Шу проигнорировал вопрос и продолжил.

— Это была очень серьезная драка?

— Вообще-то, я бы не назвал это дракой, — сказал Инь Циндун. — На самом деле Кан Юй просто односторонне ругала старика Ло за то, что тот плохо отзывался об их сыне в присутствии гостей. Совершенно неразумно, не находите? Если у старика Ло плохое настроение, разве он не имеет права пожаловаться? Если он отец Ло Сяолуна, значит ли это, что Ло Сяолун имеет право тратить его деньги на ветер?

Инь Циндун неодобрительно покачал головой.

— Хорошо, что у старого Ло никогда не было недостатка в деньгах. Просто он очень слабовольный человек. Вот почему Ло Сяолун смог занять у него так много денег. Простите меня за недобрые слова, но даже если бы старика Ло не убили, этот его сын в один прекрасный день выдоил бы его досуха.

Это была совсем другая история, чем та, которую рассказала Кан Юй. Минг Шу изучал Инь Циндуна, вспоминая разговор с Кан Юй и ее объяснение ссоры с Ло Сяньфу.

Кто-то, или Кан Юй или Инь Циндун, определенно лгал.

Вопрос был в том, кто именно лжет? И кто из них больше выиграет, солгав или скрыв правду?

— Есть ли что-то еще? — спросил Минг Шу. Хотя его мысли быстро вращались, обрабатывая новую информацию, выражение его лица было совершенно спокойным и нечитаемым. — Люди, с которыми Ло Сянфу вел дела. Были ли среди них те, кто произвел на вас особенно сильное впечатление?

— Вот такую информацию я бы не осмелился выдать просто так, — сказал Инь Циндун, взмахнув рукой, как бы отгоняя от себя эту тему. — У вас, детективов, есть возможность расследовать это самостоятельно, не так ли?

Минг Шу сверкнул загадочной улыбкой, прищурился уголками глаз.

— Все, что я знаю, — поспешно добавил Инь Циндун, — это то, что некоторые из этих богачей задолжали старому Ло деньги. По крайней мере, так сказал Старый Ло. Но я не знаю, о ком он говорил. Я не могу просто строить догадки, верно?

— Только один последний вопрос, — сказал Минг Шу. — Что ты знаешь об интересе Ло Сянфу к фотографии?

— А, вот об этом я знаю многое, — сказал Инь Циндун. — Вы обратились к нужному человеку. Некоторое время назад я даже ходил со старым Ло в магазин за фотоаппаратом.

— Кан Юй сказала, что с тех пор, как Ло Сянфу увлекся фотографией, он не берет заказов и другой работы, — сказал Минг Шу. Он бросил эти крохи информации почти случайно, ожидая, как Инь Циндун отреагирует.

Инь Циндун на это рассмеялся.

— У Кан Юй хватило наглости сказать такое? Это она виновата в том, что Ло Сянфу так увлекся фотографией. Это был способ сбежать от ужасной домашней жизни. Его жена заботится только о себе и своем сыне. Она была холодна к Старому Ло на протяжении многих лет. Проводит ли Старый Ло время дома или нет, никого в его семье не волнует. То, как она с ним обращалась, это эмоциональное насилие, понимаете?

Минг Шу уже сталкивался со случаями эмоционального насилия. Бытовало мнение, что когда речь идет о домашнем насилии, будь то эмоциональное или физическое, жертвами всегда становятся женщины. Но в действительности это было не так. В парах среднего возраста довольно значительную часть жертв эмоционального насилия составляли мужчины.

— Ло Сянфу в основном фотографировал молодых женщин, — продолжил Минг Шу. — Он показывал вам эти фотографии?

Инь Циндун несколько раз открыл и закрыл рот, словно не зная, что сказать, но потом вздохнул и кивнул.

— Да, я видел их. Каждый раз, показывая их, он выглядел очень счастливым. Но скажите мне, такой старик, как он, бегают за молодыми девушками, чтобы сфотографировать их? Что это за поведение? Если бы это было несколько десятилетий назад, его бы заклеили как преступника и отправили в тюрьму! Я пытался сказать ему, что он должен прекратить такие вещи, но он не слушал. Он просто говорил, что всю жизнь тяжело работал для своей семьи и до сих пор у него никогда не было хобби. А теперь, в этом возрасте, он наконец-то нашел то, что ему нравится. Он действительно не хотел, чтобы кто-то из нас давал ему советы по этому поводу.

Минг Шу откинулся в кресле и взял паузу, чтобы переварить этот натиск новой информации. Как раз в этот момент ему позвонил Чжоу Юань.

— Капитан Минг! Мы нашли кое-что на записях камер наблюдения!

Видеозапись была плохого качества, снятая 1 июля в 22:24. Мужчина в шапке с окантовкой, подозрительно двигаясь, вошел в закрытый квартал, в котором жил Ло Сяньфу. В 23:57 тот же мужчина вышел через те же ворота.

Вполне вероятно, что этим человеком был Ло Сяолун, а камера, зафиксировавшая его приход и уход, оказалась одной из двух работающих камер в районе над западными воротами.

— Капитан Минг, — негромко позвал Чжоу Юань. Он был невысоким человеком с тихим голосом. — Я помню, когда ты сказал мне проверить записи с камеры на западных воротах, Кан Юй сказала, что Ло Сяньфу никогда не ходил через эти ворота. Она сказала нам, что проверка этой камеры будет пустой тратой времени.

Конечно, Минг Шу помнил и эту деталь. Он также вспомнил, что, когда он навещал Кан Юй в ее доме, она не преминула сообщить ему, что Ло Сяолун не появлялся дома уже много месяцев, и что сейчас он все еще в дороге, спеша вернуться в город Донгье.

После обнаружения записи с камер наблюдения стало очевидно, что Ло Сяолун был в доме семьи Ло за день до убийства Ло Сяньфу. А всего за месяц до этого Ло Сяньфу жаловался своим друзьям на отсутствие у сына деловой хватки и привычку постоянно просить у него денег.

Имел ли Ло Сяолун, пробравшийся в дом своей семьи посреди ночи, какое-либо отношение к спору о деньгах, которые он просил?

Имеет ли смерть Ло Сяньфу отношение к Ло Сяолуну?

— Где сейчас находится Ло Сяолун? — спросил Минг Шу, холодно и безжалостно хмурясь.